

Митя долго стоял перед запотевшим зеркалом в ожидании, когда проступит его отражение. Кожа и волосы блестели от влаги. Полное белое тело было обернуто длинным, до пят, полотенцем. Патриций в клоповнике. То есть в тесном номере-студии с душем и туалетом, пахнущим плесенью.

В окне виднелся небольшой кусок моря: треугольник серой беспокойной воды. Таков вид из апартаментов «Гранд форчун», напоминающего советский ангар. Низкий кирпичный дом, облицованный листами из профнастила. «Гранд форчун» стоял на первой линии, у моря, неизменно вселяя в туристов тоску. Железный урод среди портиков под Древнюю Грецию или усадеб в готическом стиле. Раньше он был просто «Форчун», но с месяц назад хозяева добавили эту приставку «Гранд» — видимо, для комического эффекта.

Доносился мягкий плеск волн, так будораживший Митю в первые дни, но теперь он этот звук не замечал. Море — это праздник и волшебство. Невозможно жить в празднике. Это как съедать на завтрак, обед и ужин по целому торту.

Было около девяти утра. Под окном на скамейке сидел одинокий тип с гитарой и в шляпе и дергал струну, извлекая заунывное кантри. Ему подвывал небольшой хор собак. Это был Яша, сосед. Время от времени Митю посещала такая мысль: вот бы вылить ему на шляпу содержимое ночного горшка. Или раскаленное олово. Митя думал об этом беззлобно: подобные мысли просто витали, заполняя собой привычную пустоту. Но иногда этого Яшу, с рассеянной придурковатой улыбкой, хотелось взять за грудки и встряхнуть как следует: да приди ты в себя, наконец!

В комнате Мити было чересчур сыро: влажные обои и мокрый пол. Душевая кабина, сколько ни обрабатывай поддон герметиком, все равно протекала. Вода в ванной стояла по щиколотку, входить туда можно было только в калошах. На подзеркальнике завибрировал телефон. Сообщение от пользователя Wilddick69. Рабочий день Мити еще не начался, и он пока что мог и не отвечать, но все же уселся за стол, открыв крышку ноутбука. Громоздкий пыльный ноутбук Dell шумел как двигатель самолета. Экран наконец включился, и Митя увидел свое отражение. Вот он, наш главный герой. Мокрый, голый, печальный мужик средних лет. Митя.

Он смотрел на фотографию пользователя Wilddick69 — за этим романтическим псевдонимом скрывался некто Брюно. Француз, 49, дважды разведен, фермер. Лыс как яйцо, если говорить о его голове. В паховой области, напротив,

все колосилось. Какое-то время Митя задумчиво изучал фотографию паха француза Брюно, или Wilddick69. Справа вверху — какое-то уплотнение. Грыжа? Или что-то похуже? Спустя пару секунд Митя отправил ответ: «Ммм, вот э боунер! Май пусси из взт». Лицо у Мити было сосредоточенное, немного усталое. Он вытер щеки и лоб салфеткой и бросил ее, не попав в урну.

Какое-то время Митя глядел из окна на бродячих собак, а потом стал не торопясь одеваться: брюки, футболка, ветровка. Его утренняя рутина состояла из прогулки по береговой линии — до руин древнего храма и обратно, с заходом в круглосуточный магазин Spar. На набережной люди встречались нечасто, сейчас не сезон — все время то ветер, то дождь, то просто некая морось. Все цвета приглушенные, границы размытые. Дома и бетонные сваи, ржавые зонтики — словом, все тяжелое, каменно-металлическое, несомненно реальное — становилось призрачным, полупрозрачным. Облака и сгустки тумана, напротив, наливались тяжестью, тяготели к земле, напоминая гигантские строительные мешки.

Митя спустился по лестнице к пляжу. Как всегда, стал рассматривать камни, это его успокаивало: поднимал и вертел, взвешивал на ладони. Попадались камни небывалых расцветок

и форм. Например, как сегодня — леопардовый, в форме младенца. Похож на новорожденного как две капли воды, даже есть две впадинки там, где должны быть глаза.

Море, и без того шумное, при приближении Мити еще сильнее оживилось: волны пенились, атакуя дряхлый причал. Каждый день волны выносили на берег что-нибудь новенькое. Пустые банки из-под турецких консервов, нечто бесформенное и неприятное из глубин или просто сгустки водорослей, а иногда — черные пакеты, внутри которых не стоит заглядывать.

Митя побрел мимо заброшенных или не действующих зимой гостиничных комплексов и апартаментов. Фасад почти каждого украшал античный портик. Все-таки это Колхида. Медя — так звали продавщицу в местной кондитерской. Во всяком случае, это имя было написано на ее бейджике латинскими буквами.

Набережная закончилась резко, грудой ноздреватых древних камней. Иногда Митя встречал здесь старика, стоявшего на коленях. Местный рыбак, совершающий ритуал. Ладос. Хотя он просил, чтобы Митя называл его Шуриком. Митя безуспешно пытался уловить связь между этими именами — Ладос и Шурик. А еще у Ладос-Шурика был пес, которого звали Шарик. Шурик и Шарик — очень легко. Правда, у пса был какой-то двойственный статус: вроде он принадлежал Шурику-Ладосу, но чаще Митя видел его в стае бродячих собак.

Шурик-Ладо говорил по-русски довольно изысканно, у него был богатый вокабуляр (например, он произносил слова «растрепанный» или «неоднозначно»), при этом каких-то базовых слов, типа «идти» или «деньги», он не знал или не помнил. По мнению Шурика-Ладо, эта груда ноздреватых камней была руинами древнего Посейдонова храма. Шурик-Ладо указывал пальцем на далекий горный хребет, почти всегда скрытый в тумане. Среди этих гор таилась пещера, а в ней-то и появился на свет древнегреческий бог Посейдон. Из книг этот факт не узнаешь.

Здесь было особенно тихо, только слышалось гулкое бормотание волн, в котором можно различить интонации, присущие речи властных мужчин. Шурик-Ладо обращался с мольбой к Посейдону, и Посейдон ему всегда помогал. Сперва молитва и жертва, потом — исполненное желание, и следом — благодарственное подношение. Этот цикл функционировал без единого сбоя, как корейский автомобильный завод.

— Приходи помолиться, — предложил как-то Шурик-Ладо. — Только крестик сними.

— А у меня его нет.

Шурик-Ладо покачал головой: почему-то не верил.

Древний старик, кожа да кости. Кожа даже слегка отставала, желтая и сухая. Вид, по правде, был просто чудовищный. Немыслимо, что человек, который так плохо выглядит, способен

оставаться в мире живых. Вдобавок он был очень бодр, активен, и эта активность производила впечатление чего-то паранормального. У Шурика-Ладо был в распоряжении катер, такой же древний, как он сам. Митя не раз заставлял Шурика-Ладо на причале выгружающим из катера огромный улов.

Митя постоял у развалин, пощупал древние камни. Огромные валуны складывали сверхлюди, и это происходило в мифические времена. Времена, когда боги сходили с Олимпа, непринужденно болтали с людьми. Может, не со всеми подряд, но хоть с избранными. А потом появились письменность, журнализм. Наверное, это-то все и испортило. Митя стоял, пытаясь почувствовать нечто особенное. Он заметил черные свечки в земле, какие-то склянки и банки. Пришло новое сообщение — на этот раз от Олега Степановича. Уже начинался рабочий день.

По дороге обратно Митя встретил высокую девушку с сибя-ину на поводке. Худая, бледная, андрогинная, с взъерошенными зелеными волосами — она выглядела как инопланетянка. Митя с ней не общался, но обменивался вежливыми кивками. Не было никаких сомнений, что девушка приехала сюда из России. Зеленоволосые, с породистыми собаками, покрытые татуировками, без ярко выраженной гендерной идентичности — таковы типичные русские в Грузии. Словосочетание «русские идут» у Мити

теперь ассоциировалось с такого рода людьми, а не с бритоголовыми погромщиками, не со славянами-бородачами в языческих робах из мемов «славяне против рептилоидов».

Перед работой Митя пожелал доброго утра Оле, своей гражданской жене. Вместе они уже почти десять лет. Почему-то всегда получалось, что он писал первым. Даже когда Митя с огромными приключениями пересекал границу в беспрецедентной давке, с рисками для здоровья и, возможно, личной свободы, выйдя на связь спустя много часов, он не увидел от Оли ни одного сообщения. «Я знала, что тебе сейчас не до меня, — объяснила она позже. — Не хотела тебя отвлекать». Просто она такой человек. Эмоционально закрытый, спокойный.

Они познакомились в каком-то доисторическом приложении для знакомств, название память не сохранила. Тогда интернет-знакомства были вещью постыдной. По инициативе Оли пришлось придумать легенду: столкнулись в музее возле какого-то эпического полотна типа «Последнего дня Помпеи». Звучало не слишком правдоподобно: Митя бы в жизни не заговорил с незнакомой девушкой, не пошел бы в музей один и не стоял бы просто так, как дурак, рассматривая детали картины.

Митя и Оля жили спокойно и дружно, почти что не ссорились. Олины предпочтения — путешествия, кухня разных стран мира. Практически всех стран мира, даже, например, йеменская, эфиопская кухня — в общем, почему-то практически все, кроме грузинской. Митины интересы — серфинг в интернете, видеоигры, теории заговоров. Благодаря Оле он посмотрел мир — еще до ковидных ограничений.

В те дни хаоса, давки, столпотворения на всех пограничных пунктах России Оля сразу и наотрез отказалась уезжать вслед за Митей. В Москве у нее была прибыльная работа риелтора, которой вряд ли что-нибудь угрожало. Его отъезду она не препятствовала, но и не одобряла. В общем, с ней так всегда — ничего конкретного не добьешься. И с тех пор с каждым днем их общение становилось чуть менее интенсивным.

С одиннадцати до семи Митя работал редактором социальных сетей в приватном аккаунте. Так эта работа называлась на рекрутинговых сайтах. Но Митя нашел ее не через «Хэдхантер». Митя и еще двое людей, о которых он ничего не знал, вели онлифанс-аккаунт вебкам-модели Лизы Райской, двадцати двух лет. У нее пухлые губы, круглое невинное «личико». Классический, оптимальный тип внешности для такого рода

занятий. Классический третий размер груди, рост метр шестьдесят. Согласно анкете, она любит фильмы Паоло Соррентино.

Странный факт: Митя был равнодушен к порнопродукции. Крупные планы половых органов, крики и сперма, характерные звуки — он не понимал, зачем это нужно. Во всяком случае, он ни разу не возбуждался во время просмотра. Порой чувствовал себя гуманоидом, которого заставляют наблюдать за извращениями нелепого вида живых существ. Дикпики, на которые ему приходилось смотреть по работе, не вызывали у Мити эмоций — как радуга или как мусорный бак.

Митя не считал себя феминистом, еще недавно он бы охарактеризовал свои взгляды как умеренно консервативные (хотя и сам не понимал, что это значит). Но за последние месяцы и с миром, и с Митей произошло много всего. В частности, эта работа. И теперь он был готов солидаризироваться с самой радикальной феминистской риторикой, даже с тезисом «мужики — мусор». Митя и представить себе не мог, сколь гадкие и даже чудовищные фантазии посещают интеллигентных с виду мужчин. Например, сразу двое постоянных донаторов активно склоняли Лизу Райскую (то есть Митю) к ролевой игре «папа — дочь», и по крайней мере у одного из них была дочь-подросток.

Впрочем, попадались и приятные люди. Добрые, совсем одинокие, очень наивные. Никому

из них явно не могло прийти в голову, что с ними ведет переписку не красotka двадцати двух лет, а грузный мужчина на пороге сорокалетия и облысения. Вероятно, некоторые из них не расстроились бы, выйди правда наружу. Им просто нужен был понимающий собеседник. Мите нравилось, как иногда раскрывались личности этих мужчин. Они рассказывали о детстве, жене, начальстве, об играх и сериалах, о соседях, о погоде и окружающем их ландшафте. Сперва они присылали дикпики, а потом, спустя время, начинали слать фотографии чаек, котов. Один немец все время фотографировал выдру, которая, видимо, жила где-то поблизости от его дома.

Митин любимчик — Олег Степанович, преподаватель колледжа телекоммуникаций, пятидесяти двух лет. Олег Степанович, что называется, заядлый грибник. Он ездил в дальнее Подмосковье в потаенные грибные места, куда нужно добираться много часов, сойдя с электрички. Тихая охота — настоящая страсть, в которой он не находил сообщников. А Митя всегда интересовался грибами, его манила сама идея стать грибником, втянуться в такого рода досуг — аутичный, медитативный. Митя мечтал о наставнике в этом вопросе: зрелом мужчине с тихим голосом и медлительными повадками, который бы ввел его в мир грибов, научил разбираться, как отличить полезный гриб от смертельно ядовитого.

Вместо дикпиков Олег Степанович слал Лизе Райской фото грибов. Выглядели они достаточно непристойно, трудно было понять, вкладывает Олег Степанович сексуальный подтекст или нет, но Митя его не считывал.

Почувствовав интерес, исходящий от мнимой 22-летней порно модели, Олег Степанович стал присылать ей длинные видео. В них он снимал себя в таком ракурсе, что ничего, кроме волос в носу, было не различить. Зато был хорошо слышен голос, который то убаюкивал, то взволнованно лепетал, то грозился. Иногда Олег Степанович рассуждал о грибах как о коварных соперниках, мечтающих запутать и обмануть, привести грибника к гибели. Как-то он прислал почти 20-минутное видео про сатанинский гриб. Оно было снято дрожащей камерой и атмосферой напоминало «Ведьму из Блэр». Сатанинский — гриб, который пытается выглядеть как боровик, царь грибов, но его выдает ножка с оранжеватым отливом. Олег Степанович говорил о нем с придыханием, страхом — как о грядущем Антихристе. Пастор, предостерегающий верующих. Волосы в носу встревоженно шевелились.

Похоже, Олег Степанович не сомневался в том, что Лиза Райская с искренним увлечением смотрит и комментирует его 20-минутные ролики и вообще только и ждет возможности, чтобы составить ему компанию, сменить каблуки на калоши и полдня бродить по глухой чаще

в поисках подберезовиков. Впрочем, в беседах с Олегом Степановичем Митя и сам забывался — бывал близок к тому, чтобы начать писать о себе в мужском роде.

«Приезжай, я тебя всему научу, — писал Олег Степанович. — Разведем костер, приготовим грибную похлебку с перловочкой. У меня есть газовая горелка, специальные куртки с сетками от комаров. Ты этого не забудешь». Олег Степанович еженедельно вбрасывал эту идею, но без нажима — скорее, чтобы просто поддержать разговор.

Прошло ровно два месяца в эмиграции. Всего-то два месяца. Митя был сугубо городским человеком, но сейчас, когда он глядел на березы с остатками желтых листьев, сердце сжималось. Он отдал бы многое за то, чтобы оказаться сейчас с Олегом Степановичем в лесу с корзинкой в руках. Чтобы Олег Степанович угостил его чем-нибудь горячительным, может быть, приобнял — почему нет?

Чаще всего Митя обедал в пустом привокзальном кафе вдвоем со своей обидой. В обиде было что-то почти материальное: казалось, она скоро примет человеческий облик. Ничего удивительного: Митя усердно работал над ней, накачивая своими переживаниями. Митя обижался на то,

что ему тридцать семь, а он уже просто развалина. Ходячая энциклопедия болезней. Больше десяти лет он проработал корреспондентом отдела «Общество» в крупнейшей государственной газете, в подотделе «Религия». Он знал всех, и все знали его. Соседи по опенспейсу завидовали его текстам, темам, его кругу общения. Все собирались послушать, как он брал комментарии: «Добрый вечер, отец Илларион. Удобно сейчас говорить?», «Доброго дня, Крутойяр. Я ведь говорю с Крутойяром?», «Алло, это “Зороастрийцы Петербурга”? Рад приветствовать!».

Вокруг Мити постоянно вертелись стажеры: он научил работать десятки молодых журналистов. Они бегали Мите за кофе, внимали ему с овечьей покорностью. А теперь все как один трудоустроились в зарубежных редакциях. Работали в Амстердаме и Праге. На худой конец, в Вильнюсе, Риге. А их гуру Митя сидит в грузинской деревне и за деньги расточает комплименты пенисам незнакомых мужчин. Его работа — разводить этих наивных парней на мелкие траты. На покупку так называемого допконтента. Никаких накоплений, никаких перспектив — и Мите еще предлагали считать, что он хорошо устроился.

За обедом Митя слегка напивался. Он заказывал аперитив, шот чачи, но официантка всегда приносила сто граммов. Пить их не хотелось, но Митя пил. Его развозило, а потом начинало подташнивать. Обычный обед — грузинский

салат с тертым грецким орехом и горшочек лобио: бурлящее темное варево, ведьмовской котел. Он глядел в горшочек с легким испугом, как будто боясь и надеясь узреть в нем ближайшее будущее.

Обида охватывала его как по часам, в одно и то же время, перед обедом — явная связь между предвкушением пищи и горькими размышлениями. Хотя обычно кафе было пустым, иногда Митя заставлял пожилого мужчину с усами, который ему кого-то смутно напоминал. Этот дед медленно выпивал кружку пива и, отерев губы, уходил, ни слова не говоря. Вид у него был слишком целеустремленный для человека, пьющего пиво в разгар рабочего дня.

После обеда Митя снова шел к берегу. Сидел на скамейке и изучал волны. В руке у него был эклер или мороженое, иногда шоколадка «Пикник». В эти минуты он проживал болезненные сцены из прошлого или возможные (но столь же болезненные) сцены из будущего. Вел заочные разговоры с гражданской женой Олей, экс-начальником, мамой и папой. Собеседники все как один призывали его к осторожности, конформизму, игнорированию реальности. Митя же призывал их посмотреть правде в глаза: старый мир уничтожен и в этом отчасти виновны и мы.

Сколько можно юлить, притворяться, жить, как будто ничего не случилось!

В этот раз Митю заметили двое соседей — крепкие парни с обнаженными торсами. Они держали намокшие футболки в руках. Это были Ренат и Дима. Они шли с площадки для воркаута, где полтора часа упражнялись в полном молчании в компании таких же молчаливых грузин.

— Смотри, какая величественная картина, — Дима кивнул в сторону Мити. — Что-то из немецких романтиков. «Странник над морем тумана».

— «Один против ветра».

— «Последний эмо в России».

Митя смотрел на соседей покорным печальным взглядом. Сгорбленный, с остатками абрикосового мороженого на губах.

— Люди устроены очень просто, Митя. — Ренат встал так, чтобы его пах оказался в метре от лица Мити, на одном уровне. — Поднятие тяжелых предметов и кардио. Отжимания и приседания. Планка и берпи. Бег по утрам. Это буквально все, что нужно для счастья.

Мимо вразвалку прошел полный грузинский мужчина в приспущенной до локтей куртке. Дима проводил его долгим взглядом.

— Интересное наблюдение, — начал он. «Интересное наблюдение», «Интересный факт», «Очень смешная история» — с такого рода ремарок начинались многие его рассужде-

ния. — Я бегаю почти каждый день и ни разу не видел ни одного бегуна-грузина. Наверное, у них это просто не принято. Я имею в виду кавказцев. Бег — это как бы ниже достоинства. Джигит не бежит. Он наступает. Ну или отступает, но неторопливо, с достоинством.

— Отрицательно наступает, — добавил Ренат.

— При этом грузины любят ходить просто так, вразвалочку, приспустив куртку. Ритмично вдыхать и выдыхать воздух, смотреть на воду и на деревья. Грузины не так глупы. Они понимают: мужчина должен двигаться, вдыхать и выдыхать воздух с усилием, он должен смотреть на воду и на деревья. Если не делать этого регулярно, в голове возникают странные мысли. И они начинают бродить. И бродят, пока не дозреют до чего-нибудь жуткого. Например, однажды проснешься посреди ночи и решишь, что пора сходить с кухонным ножом в парк.

При словах о ночном парке лицо Рената как-то осунулось.

— Ладно, мне пора, парни, — сообщил он.

Дима и Митя смотрели, как Ренат с идеально прямой спиной военной походкой, так ничего и не накинув на голый торс, идет по набережной. Вдыхать и выдыхать воздух. Поднимать тяжести. Кардио. Старик Шурик-Ладо греб к берегу. Накрапывал дождь.